

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Карлик Нос, стр. 8

Гусыня запрыгала и полетела впереди него, а он пустился за ней следом во всю прыть своих коротких ножек: каштановое дерево отбрасывало большую тень, да и вообще уже стемнело, – почти ничего нельзя было разобрать; по вдруг гусыня остановилась, хлопала от радости крыльями, затем быстро сунула голову в высокую траву, сорвала что-то, грациозно подала в клюве удивленному Носу и сказала:

– Вот эта травка, и растет она здесь в изобилии, так что ты никогда не будешь терпеть в ней недостатка.

Карлик в раздумье разглядывал травку; от нее исходил пряный запах, который невольно напомнил ему сцену его превращения; стебли и листья были голубовато-зеленого цвета, а цветок огненно-красный с желтой каемкой.

– Слава богу! – наконец воскликнул он. – Вот так чудо! Знай же, по-моему, эта та самая трава, что превратила меня из белки в мерзкого урода. Не попытаться ли мне счастья?

– погоди, – взмолилась гусыня. – Возьми с собой горсточку этой травки, вернемся к тебе, собери деньги и все твое добро, а тогда уж испытаем силу травы.

Так они и сделали и отправились обратно к нему в комнату, и сердце у карлика громко колотилось от нетерпения. Он завязал в узелок пятьдесят – шестьдесят скопленных им дукатов, одежду и обувь.

– Если господу богу угодно, сейчас я разделаюсь с этой обузой, – сказал он, сунул нос глубоко в травы и вдохнул их аромат.

Тут он почувствовал, как у него вытягиваются и трещат все суставы, как из плеч подымается голова; он покосился на нос и увидел, что тот все укорачивается и укорачивается, почувствовал, как выпрямляются спина и грудь, как удлиняются ноги.

Гусыня смотрела и удивлялась.

– Ну и большой же ты, ну и красивый! – воскликнула она. – Слава богу, и следов не осталось от того, кем ты был!

Якоб очень этому обрадовался, сложил руки и помолился. Но при всей своей радости он не позабыл, сколь многим обязан гусыне Мими; хотя сердце и влекло его к родителям, благодарность превозмогла этого желание, и он сказал:

– Кому, как не тебе, обязан я тем, что мне даровано снова стать самим собой? Без тебя мне нипочем бы не сыскать этой травки, и, значит, я навсегда сохранил бы тот мерзкий облик, а может быть, даже сложил бы голову на плахе. Хорошо же, я не останусь в долгу. Я доставлю тебя к твоему отцу; он сведущ во всяком колдовстве и без труда снимет с тебя чары.

Гусыня заплакала от радости и согласилась на его предложение. Якобу с гусыней удалось неузнанными выбраться из дворца, и они пустились в путь к берегу моря – на родину Мими...

...О чем поведать мне дальше? О том, что они счастливо закончили свой путь; что Веттербок снял чары с дочери и, щедро оделив Якоба, отпустил его домой; что тот вернулся в свой родной город и что родители охотно признали в красивом юноше своего пропавшего сына; что на подарки, принесенные от Веттербока, он купил себе лавку и зажил счастливо и припеваючи?

Расскажу только, что после того как Якоб ушел из герцогского дворца, там поднялась страшная тревога: когда герцог на следующий день пожелал выполнить свою клятву и снести карлику голову, в случае если он не разыскал нужных трав, – того и след простыл; гость же утверждал, будто герцог тайком помог ему улизнуть, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и обвинил его в нарушении клятвы. Отсюда возникла великая война между обоими властителями, хорошо известная в истории под названием «Травяная война»; было дано не одно сражение, но в конце концов, все-таки заключили мир, и этот мир называют у нас «Паштетным миром», ибо на пиршестве, в ознаменование примирения, повар владетельного князя изготовил Сузерен – короля паштетов, который пришелся герцогу весьма по вкусу.

Так часто незначительнейшие события приводят к крупным последствиям; вот, о господин, история карлика Носа.

Так рассказывал невольник из Франкистана. Когда он окончил, шейх Али-Бану велел подать ему и остальным рабам фрукты, дабы они подкрепились, и, пока они ели, беседовал со своими друзьями. А юноши, которых провел сюда старик, всячески расхваливали шейха, его дом и все убранство.

– Поистине, нет времяпрепровождения приятнее, чем слушать рассказчика, – сказал молодой писец. – Я мог бы целыми днями сидеть, поджав ноги, опершись локтем о подушки, подперев лоб рукою, а в другой руке, если б это было возможно, держа большой кальян шейха, и слушать, и слушать, – такой представляю я себе жизнь в садах Магомета.

– Пока вы молоды и сильны, – сказал старик, – не верю, чтобы вас на самом деле прельщала праздность. Но я согласен: слушая сказку, испытываешь своеобразное очарование. Несмотря на то, что я стар, а мне стукнуло семьдесят шесть лет, несмотря на то, что за свою жизнь я уже многого понаслушался, все же я никогда не пройду мимо, если на углу улицы сидит рассказчик, а вокруг собралось кольцо слушателей, я тоже подсяду к ним и послушаю. Сам переживаешь все приключения, о которых ведется рассказ, наяву видишь людей, духов, фей и весь окружающий их волшебный чудесный мир, который не повстречаешь в обыденной жизни, а потом, когда ты остался один, тебе есть что вспомнить, как запасливому путнику в пустыне есть чем утолить голод.

– Я никогда не задумывался, – вступил в разговор другой юноша, – над тем, в чем, собственно, кроется очарование этих историй. Но я испытываю то же, что и вы. Еще ребенком, когда я капризничал, меня унимали сказкой.

Вначале мне было безразлично, о чем идет речь, только не прерывали бы рассказа, только были бы всякие приключения; мне не надоедало слушать басни, которые придумали мудрые люди, вложив в них крупицу собственной мудрости, – басни о лисе и глупой вороне, о лисе и волке, не один десяток рассказов о льве и прочем зверье. Когда я подрос и стал чаще бывать на людях, коротеньких побасенок мне уже было мало: теперь мне хотелось историй подлиннее, повествующих о людях с необычной судьбой.

– Да, мне тоже помнится та пора, – прервал его один из его друзей. – Любовь к рассказам всякого рода привил нам именно ты. Один ваш невольник умел нарасказать столько всякой всячины, сколько может наговорить погонщик верблюдов за путь от Мекки до Медины; покончив с работой, он усаживался на лужайке перед домом, и мы до тех пор приставали к нему, пока он не начинал свои рассказы, которые тянулись и тянулись, и так до темноты.

– И разве тогда перед нами не открывалась новая, неведомая страна, – отозвался писец, – царство гениев и фей, где в изобилии растут редкостные деревья, где стоят богатые дворцы из смарагдов и рубинов, населенные невольниками-исполинами, которые являются по первому зову, стоит только повернуть несколько раз кольцо, или потерять чудесную лампу, или вымолвить Соломоново слово, и подносят роскошные яства в золотых чашах? Мы невольно переселялись в ту страну, вместе с Синдбадом ходили в чудесные плаванья, вместе с Гаруном аль-Рашидом, мудрым повелителем правоверных, бродили вечером по улицам, мы знали его визиря Джафара, как самих себя, – словом, мы жили в сказках, подобно тому как ночью живут в снах, и не было для нас за весь день лучшей поры, чем те вечера, когда мы собиравшись на лужайке и старый невольник заводил свой рассказ. Но скажи нам, старец, в чем, собственно, причина того, что тогда мы столь охотно слушали сказки, что еще и поныне нет для нас времяпрепровождения приятней? В чем, собственно, кроется великое очарование сказки?

– Сейчас скажу, – ответил старик. – Ум человеческий еще легче и подвижней воды, принимающей любую форму и постепенно

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

проникающей в самые плотные предметы. Он легок и волен, как воздух, и, как воздух, делается тем легче и чище, чем выше от земли он парит. Поэтому в каждом человеке живет стремление вознестись над повседневностью и легче и вольнее витать в горних сферах, хотя бы во сне. Сами вы, мой молодой друг, сказали: «Мы жили в тех рассказах, мы думали и чувствовали вместе с теми людьми», –

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) >> [Дальше](#)